

ЕЖИ ШОКАЛЬСКИ

Грусть, да не та: Есенин и Рубцов на расстоянии*

Но была ли кабанья грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!**

Николай Рубцов

Именно Есенин впервые открыл для него мир иной поэзии, уничтоженной вместе с «последним поэтом деревни» <...> Есенинская Русь — уходящая; рубцовская — ушедшая. Оставшаяся символом потерянного рая, исчезнувшей Атлантиды, затонувшего града Китежа.

Виктор Калугин

Проблема «есенинского» в творчестве Н. Рубцова далеко не нова. «Родство» двух знаковых поэтов XX века как в плане сходства биографий, так и в русле развития творческой традиции С. Есенина в поэтическом наследии Н. Рубцова отмечали многие исследователи. Однако предпринятый нами анализ лирических произведений поэтов приводит к иным выводам.

Насчет существенного сходства биографий обоих поэтов уже есть поводы сомневаться — что, между прочим, само по себе не имеет решающего значения для того, чтобы утверждать или же отрицать художественное «родство» поэтов.

Что касается самого наличия художественных эффектов восприятия Есенина Рубцовым, — то оно бесспорно; достаточно указать на некоторые, даже такие вот, случайно подобранные, примеры аллюзий и цитат разного уровня:

Есенин:
Свет ласкающий, тихий такой*** [I. С. 247].

*В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не повеи* [IV. С. 244].

*Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как* [I. С. 32].

Половой истекая истомою [III. С. 192].

Рубцов:
Вечер звездный, красивый такой [«Любовь»].

*Тяжело в деревне без нагана,
и с наганом тоже тяжело* [II. С. 224].

*А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!* [II. С. 134].

Вся изошла она истомою половой [Из неопубликованного].

Несомненен и интерес Рубцова к самому Есенину как знаковому феномену, воплощенному мифу, а вероятно, также и к человеку, с которым он хотел бы отождествлять себя, к живому символу:

* Есенинская энциклопедия: концепция, проблемы, перспективы / Материалы Международной научной конференции. — Москва — Константиново — Рязань, 2007. — С. 292.

В цитируемых текстах, кроме оговоренных случаев, разрядка, курсив вводятся автором статьи.

** Рубцов Н. М. Собрание сочинений в трех томах / Под ред. В. Зинченко. — М., 2004. Далее цитаты даются по этому изданию.

*** Есенин С. Собрание сочинений в семи томах. — М., 2001 — 2006.

И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон.
 «Вечерние стихи»

Негромкие *есенинские* песни
 Так громко в сердце
 Бьются и звучат!
 «О чем шумят друзья мои, поэты...»

«Много в жизни смешных потерь», —
 Верно сказал *Есенин*.
 Из стихотворения, посвященного Г. С.

Иногда обращение к поэту-предшественнику связано с причастностью автора к есенинскому видению мира и к общерусскому поэтическому пантеону:

Вижу поле, провода.
 Все на свете понимаю!
 Вон *Есенин* — на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
 Словно лишний на шпуре
 Скромно Хлебников шаманит <...>
 «Я люблю судьбу свою...»

Самым показательным и едва ли не программным произведением является, в плане литературных связей, стихотворение 1962 года, которое так и называется «Сергей Есенин»:

Слухи были глуны и резки:
 Кто такой, мол, Есенин Серега,
 Сам суди: удавился с тоски
 Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
 Голубыми глазами поэта.
 Но была ли кабацкая грусть?
 Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
 Все земные святыни и узы
 Словно б первичной системой вошли
 В своеправность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
 С ней люблю, негодую и плачу.
 Много значит она для меня,
 Если сам я хоть что-нибудь значу.

В данной статье хотелось бы ограничиться лишь парой беглых замечаний по поводу этого стихотворения, некоторые из них, хотелось бы надеяться, станут более убедительными в контексте дальнейших исследований.

Во-первых, создается общее впечатление относительно большой отдаленности от принципов есенинской поэтики; в частности — своего рода художественная наивность, заметная в некоторой банальности или претенциозности рифмы, сопряженной с примерно такой же банальностью или претенциозностью стилистики (ср., например: «Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта»). Третья строфа, в особенности, совершенно переступает в этих отношениях те рамки, в которых как-нибудь могла бы поместиться поэтика самого Есенина.

Во-вторых, и это, по всей видимости, покажется вначале менее очевидным, бесспорным, да и навряд ли существенным: соотношение абсолютного, универсального с частным и единичным, и, в особенности, оценка указанных категорий в их взаимоотношении, а также характер модальности — все это уже интуитивно воспринимается, опять-таки, как несвойственное поэтической речи рубцовского «кумира».

В чем же суть такого, на наш взгляд, значительного расхождения? Самым важным, решающим моментом является коренное различие предлагаемых каждым из этих двух поэтов моделей мира или, если вос-

пользоваться остроумной и в то же время точной формулой Лотмана, — *знаковых моделей* мира: его координат и конфигурации, его ценностных характеристик.

У Есенина инвариантная модель времени-пространства построена на оппозиции ДОМ (*мой; не-этот мир*) <—> (*этот, сей; не-мой*) МИР. Иначе, выражаясь более традиционно, — родное, кровное четко противостоит здесь тому, что (в евангельском понимании) «от мира *сего*». Ценностная характеристика временных планов художественного мира вырисовывается с соответственной четкостью.

Есенин — или, во всяком случае, его лирический герой — с предельной последовательностью отвергает настоящее, эмпирическую «данность». (Есенинская кажущаяся «данность», «осязаемость», чувственность и т. п. созвучны *умозрению в красках* из широкоизвестного эссе кн. Е. Трубенского, то есть отсылают — вовне).

А каков этот мир (и вообще то, что называется *миром*) — у Рубцова?

Он выстроен, или показан — совсем иначе; впрочем, нет здесь полного отождествления мира и жизни, равно как нет четкого противопоставления (чуждого) МИРА — (родному) ДОМУ:

Сей образ *прекрасного* мира
Мы тоже *оставим навек*.
Но *вечно* пусть будет все это,
Что *свято* я в жизни любил.

Или:

Давно *знакомый* мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь
«Сибирь, как будто не Сибирь!..»

Но, может быть, рубцовский мир — не «этот», а иной? Или, как бывает у Есенина, он в той или другой стадии разрушения, аннигиляции? Ведь он: «Как *мыльный* пузырь...». Но нас успокаивают: «А вдруг он лопнет, *этот* мир? / Вот-вот рукою кто-то хлопнет — / И он пропал... Но бригадир / Сказал уверенно: «*Не лопнет!*»

Даже если мир, как в процитированном стихотворении, суживается до вида местности на берегу (что, между прочим, для Рубцова характерно) или до пределов хутора, то он, будучи миром (сушей, обитаемым местом!), — сам по себе ценность: «Хутор — это не худо: это *мир*, не мирок!» Или — более категорично: «*Сей образ прекрасного мира / Мы тоже оставим навек*».

Как видим, мир у Рубцова — сам по себе хорош, хотя и есть отдельные места и моменты, когда плохо — как в годину убийства невинного человека:

Был целый мир *зловещ и ветрен*,
Когда один в *осенней* мгле
В *свое* жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле...

Иногда проявляется отношение амбивалентное, но с акцентом на положительном: «*мир* устроен грозно и прекрасно...».

В юношеском тексте «Прощальные стихи (Шантаренкову)» мы, правда, нечто, на первый взгляд, подобное есенинским отказам от *мира сего*, находим во фразе: «*Есть в этом мире страшные приметы*», но узкий («школьный») контекст свидетельствует о провинциально-детской релятивизации понятия «мир»:

Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор мне пристанища нет...
Есть в *этом мире* страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!

Земля у Рубцова, под стать матросу, скорее — суша, твердь, грунт или же вообще большее физическое пространство, чем антропосфера, или даже биосфера, что явственно в таком, например, пассаже (попутно заметим, что странствие трактуется как результат свободного выбора, а не предопределенность скитальческой судьбы):

Только б это избрать, как другие смогли, —
Много серой воды,
Много серого неба,
И немного *пологой* родимой земли,
И немного огней вдоль по *берегу!*.
«На реке Сухоне»

Интересная вариация — в стихотворении «На родину», где передвижение автомашин уподоблено полету, а «земля» опять выступает в качестве границы, черты отсчета, на этот раз по вертикали:

Летели грузовики,
Летели почги по небу,
Касаясь порой *земли*.

В менее заметной степени земля — это вселенная, вернее — планета, причем небезынтересно противопоставление *землица* — Земля, в частности:

Но моя родимая *землица*
надо мной удерживает власть <...>
жизнь моя вращается незримо,
как *Земля* вокруг своей оси!
«Долина детства»

Или в стихотворении:

И останется все,
как было —
на *Земле*.
не для всех родной...
Будет так же светить Светило
на *заплеванный шар земной!*..
«Да, умру я»

И едва ли она земля — пашня, нива или вообще почва. Соответствующих примеров так и не удалось найти. (Для ясности напомним, что имеются в виду контекстуальные значения слова *земля*, а не — как бы можно было предполагать — любые мотивы вспаханной земли или вообще земледелия).

Несколько ближе есенинского контекста поставлена *земля* в стихотворении «На вокзале»:

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о *небе*
И о том, что все *это* пройдет.

Но это в поэтической системе Рубцова, безусловно, — редкостное отклонение, причем того отчуждения, которое так потрясает у Есенина — нет:

Огнем, враждой *земля* полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...;
Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей *земли*...;
Вникаю в мудрость древних изречений
О *сложном* смысле жизни на земле.
«Вечерние стихи»

И вместе с чувством древности *земли*
Такая радость на душе струится...
«Поэзия»

Жизнь и ее восприятие у Рубцова характеризуется смело и контрастно:

Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его *жизнь* <...>
«Под ветвями больничных берез»

И *жизнь* в короткой этой праздности
Как будто снова начинается —
С морозной свежести и ясности!
«Январское»

Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!..
«Ось»

Нетрудно заметить, что призрачность жизни не менее явственна, чем это было у Есенина, что еще более заметно в другом пассаже:

И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся.
Покрытые миражной поволокой...
«Осенние этюды»

Дом зачастую обозначает нечто весьма «обыденное», в контекстах неудобосопоставимых с метафизическими взлетами духа, как в шуточно-идиллическом описании финала попойки:

Уложат, где не дует ветер,
И тихо твой покинут дом.
Ты захрапишь...
И все на свете —
Пойдет обычным чередом!

Весьма часто *дом* — нейтральное наименование постройки как таковой, иногда разглядываемой с лодки или с дороги; опять — топографический локус или геометрически определенная часть пространства:

Нахмуренное,
с прозеленью,
небо,
Во мгле, как декорации, *дома*,
Асфальт и воздух <...>
«Оттепель»

В ином месте: «Скорей, скорей! Успеем ли *до дому?*». В сказочной «Жар-Птице» — традиционно: «Ну, словом, как Бог, я везде побывал / И все же, и все же воротился...».

В стихотворении «По дороге из дома» находим мотив горечи отрыва от родного дома, близкий есенинскому:

Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете.
Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул *родную крышу*...

Дом как «очаг» и «покров», традиционный символ уюта, благополучия и безопасности выступает, однако, в сиротских стихах Рубцова намного реже, чем можно бы было ожидать; едва ли не единственный традиционный пример:

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен *дом* и *самовар* певучий!
«В полях сверкало. Близилась гроза...»

В ином месте — по-есенински зооморфно:

Домой отправился медведь,
Чтоб горько *дома* пореветь.
«Медведь»

Отгороженность от уюта может быть мотивирована уделом поэта, художника: «Стихи из *дома* гонят нас...» («Стихи»).

Укажем еще, что существенно иначе, чем у Есенина, дело обстоит у Рубцова также и с понятиями, обозначенными словами *здесь* или *теперь*, которые, в противоположность предшественнику, отрицательных характеристик не имеют:

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что *это здесь* при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И *снова* мир дивился благодарный:
Пришел *отсюда* сказочный Кольцов!
«Поэзия»

Подобным образом нет у Рубцова аналогии и есенинскому восприятию времени.

У Есенина «иной», то есть не-этот *мир* чаще всего ассоциируется с так или иначе понимаемым *будущим*, даже если оно воспринимается как нечто изначально данное субъекту. Однако у Есенина положительного будущего нет (так же, как нет его у лирического героя Лермонтова, о чем писали, соответственно, Егоров и Харчевников).

В свою очередь, *настоящее*, человечье «*теперь*» привязано, по сути дела, к сфере *мира сего*.

А *теперь* — что за жизнь? [IV. С. 11].

А *теперь* я милой ничего не значу [I. С. 203].

Настоящее время — это сфера *мира*, лишённого самостоятельной ценности, что с особой наглядностью показывают отрицательные контексты слова *теперь*.

У Рубцова прошедшее далеко *не* в такой степени, как у Есенина, отмечено и не противопоставлено «я» теперешнему: «Я сильный был, но *ветер* был сильней, / *И я нигде* не мог остановиться».

Ценностная характеристика прошлого четко не фиксирована; характерно сопряжение форм прошедшего времени со стирающими различия универсальными словами *нигде, все*:

В твоей глуши с лесами и холмами,
Где *смутной* грустью веет старина,
Где *было все*: смиренность и гордыня.

Или:

Еще волнует все, что *было*.

Во всем этом проявляется столь же характерная рубцовская динамика — в данном случае динамичное восприятие времени в его стадийном развитии:

Все *было* веселым вначале.
Все *стало* печальным в конце.

В то же время, даже «по-есенински» звучащие формулы прошедшего не суть формулы перехода к теперешнему, опять-таки стирая оппозиции и сводя оценку к той или иной стадии прошлого, дезактуализируют, релятивизируют ее:

И эту грусть, и святость *прежних* лет
Я так *любил* во мгле родного края,
Что я *хотел* упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...
«Над вечным покоем»

Выражаясь проще: ни актуальное, ни постоянное отношение к явлениям *прошлого* определенным образом не демонстрировано.

Тут — сразу оговорка: не определилось это отношение к «микрособытиям», но в то же время здесь во взгляде на *эпохальные*, застывшие следы родного прошлого преобладают чувства, близкие к благоговению. Стоит отметить, что и тут есть некоторые любопытные нюансы «модальности», которых я не буду теперь комментировать, ограничиваясь замечанием, что столь четкое *как будто* Есенину не свойственно (напомним имажинистский постулат: «без всяких *как...*»):

Лежат развалины собора,
Как *будто* спит *былая* Русь.
Былая Русь! *Не в те ли* годы
Наш день, как *будто* у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей *впереди!* <...>
«По вечерам»

Настоящее и будущее, как следовало ожидать, тем более не соответствуют есенинской трактовке художественного времени: использование соответствующих грамматических средств не влечет за собой столь последовательного отрицания и самоотрицания, как у автора «Сорокоуста». Более того, взору рубцовского героя, устремленному, хотелось бы сказать, по-моряцки, вперед, будущее предстает как ориентир, маяк: чаще связано с ним оптимистическое ожидание, а то и уверенность.

Говорю вам: — *Прозреют* слепые,
И дороги их *будут легки*...
Говорю я и девушке милой: —
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — все это было
И *прошло*. — улыбнись же скорей!
«Весна на берегу Бии»

Отношение к природе — не как к пейзажу, декору, а к живому организму — у Рубцова опять-таки иное, чем у Есенина. Здесь проявляется присущее вообще автору «Звезды полей» чувство границы: вода / берег, село / поле. Между прочим, для Рубцова границы могут иметь разную степень плотности:

Но хочется *как-то* сразу
Жить в городе *и* в селе!
«Грани»

В этом отношении вопрос сложен и, видимо, заслуживает отдельного исследования. Во всяком случае, говорить здесь о есенинском запанибратском общении с братьями по земной судьбе, с божьей тварью — не приходится:

Мне лошадь встретила в кустах.
И *вдрогнул* я. А было поздно.
В любой воде таился *страх*.
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но *неспособных к разговору*.
Мы были *разных* два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза...
«Вечернее происшествие»

Интуитивное ощущение существенной близости Рубцова к Есенину обманчиво: причем оно, очевидно, зиждется на стилистических аллюзиях и иного рода знаках интереса к Сергею Александровичу, причем в случайно — то есть несистемно — взятых текстах. Детальный же обзор всех текстов обоих поэтов заставляет пересмотреть утверждения о рубцовском «есенинизме».

На самом основном уровне эти поэты отличаются друг от друга коренным образом. Не совпадает художественная стратификация времени и пространства, восприятие мира лирическим героем, чье «*за*» и «*против*», «*верую и исповедую*» и, во всяком случае, «*мое*» — «*не мое*» — не совпадают, часто даже противостоят, я хотел бы эскизно зарисовать схему этих несовпадений (заверяя, что эта схема отнюдь не предполагает оценочных элементов):

Есенин
тип: СКИТАЛЕЦ
не ЗДЕСЬ, (предельно: ни ЗДЕСЬ
ни ТАМ НЕ У СЕБЯ)

НИ село, НИ город (нет любви)

судьба БЛУДНОГО СЫНА: путь к Дому

Рубцов
тип: ПУТЕШЕСТВЕННИК
и ЗДЕСЬ и ТАМ
Нынче ЗДЕСЬ — Завтра ТАМ

И село, И город

судьба СИРОТЫ: разнонаправленность

Притом Есенин — певец родного ДОМА, очага, поэт *женского* начала. В этом плане и он женственен, как Клюев, Блок, как Россия по Бердяеву...

Рубцов же — чувствительный *мужчина*; он ближе в этом к Васильеву, может быть, даже к Корнилову, но это уже другие вопросы.

«Домашность» он, Рубцов, знал не вполне; у него не хаты, не дома даже, а — постройки, притом часто увиденные в бинокль юнгой-сиротой, а не хозяйским сыном.

У Есенина же ДОМ, очаг — в особом смысле *внутреннее* (*духовное и душевное пространство*), и это оно — не загробный мир, и даже не ортодоксальное Царство Небесное, — по-своему, стоит в оппозиции к *Царствию мира сего*.